

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО С. Н. ТУРГЕНЕВА К СЫНУ НИКОЛАЮ

Публикация Е. М. Грибковой*

«Письмо неустановленного лица об обучении Тургенева И. С. в пансионе Вейденгаммера. 1820-е гг.» хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея¹ и было обнаружено нами при подготовке юбилейной тургеневской выставки «Среди людей мне близких... и чужих» в Государственном музее А. С. Пушкина, открывшейся 3 сентября 2013 года. В первую очередь, внимание привлекла фамилия Вейденгаммера — содержателя пансиона, где учились братья Тургеневы, поскольку документальные свидетельства об этом периоде московской жизни семьи Тургеневых крайне малочисленны. Сразу же возникло предположение, что автором письма мог быть Сергей Николаевич Тургенев — отец Ивана Сергеевича. Почерковедческий сравнительный анализ, любезно сделанный по нашей просьбе научным сотрудником Отдела новой русской литературы ИРЛИ РАН, к. ф. н. В. А. Лукиной, подтвердил идентичность почерка исследуемого письма с хранящимися в Пушкинском Доме автографами С. Н. Тургенева.

Сам автограф представляет собой небольшую полоску тонкой бумаги с ровными краями, предположительно вырезанную из письма. Текст занимает примерно один абзац. Почерк крупный, разборчивый. Автограф записан чернилами; есть штамп «10», под ним карандашом черта и цифра «50»; также карандашом «0» и «150». Скорее всего, это позднейшие пометки сотрудников рукописного фонда. Подпись и дата отсутствуют.

---

* С прискорбием сообщаем, что талантливая исследовательница, сотрудница Музея И. С. Тургенева на Остоженке (Москва) Елена Михайловна Грибкова ушла из жизни 27 мая 2016 г. — *Ред.*

¹ Ф. 83. Оп. 2. № 19. Л. 150.

Обращение «Коля» указывает на адресата письма — Николая Тургенева, старшего сына С. Н. Тургенева. Вероятно не случайно, что это письмо именно к Николаю, поскольку, как отмечал первый публикатор писем отца Тургенева к сыновьям М. К. Клеман, аккуратный Николай бережно сохранял отцовские письма, в отличие от куда более беспечного Ивана.

Имя содержателя пансиона Вейденгаммера, где учились братья Тургеневы, и упоминание о «вояже» автора позволяют установить примерную дату письма. Это время второго заграничного путешествия Сергея Николаевича, предпринятого им для лечения мочекаменной болезни у европейских врачей. Как фиксирует в «Спасско-Лутовиновской хронике» Н. М. Чернов, в конце апреля 1829 года Сергей Николаевич отправляется за границу в сопровождении доктора А. Е. Берса и дворовых — Михайлы Лобанова и Савелия Маглинова.² В 1830 году он ненадолго приезжает из-за границы «для устройства личных дел на случай неблагоприятного исхода хирургической операции»,³ а в конце апреля вновь уезжает в сопровождении того же доктора Берса и двух дворовых людей. Сыновья в это время продолжают обучение в пансионе Вейденгаммера и на дому вплоть до сентября 1830 года.⁴

По сути своей это письмо схоже с другими письмами Сергея Николаевича к сыновьям, основным содержанием и неизменным лейтмотивом которых были отцовские наставления и вопросы учебы детей. Даже продолжительное заграничное путешествие не стало препятствием для его общения с Николаем и Иваном, он наставлял их в науке жизни, радовался успехам. Длиннейшие письма Сергей Николаевич отправлял домашним каждые 4–5 дней.

Наш автограф — лишь маленькая часть большого письма, на что указывают слова: «Я такое длинное <письмо> написал к тебе, что не было место приписать, о моем вояже <...>». И такие письма к сыновьям сочинял тяжелобольной человек, которому предстояла мучительная операция с неизвестным исходом. О «твердости покойного отца — который 11 лет страдал, а умер мученик[ом] морально и физически»,⁵ писала позднее сыну Ивану Варвара Петровна Тургенева. Постоянное общение с детьми, пусть на бумаге, было для Сергея Николаевича поддержкой и опорой в самые трудные моменты жизни. Вот строки из его письма к тому же Николаю 1834 года, времени решительного разлада, по сути разрыва между отцом и матерью, причиной которого стало серьезное увлечение

---

² Чернов Н. М. Спасско-Лутовиновская хроника // Чернов Н. М. Провинциальный Тургенев. М., 2003. С. 194.

³ Там же. С. 195.

⁴ Там же.

⁵ Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Ч. 2: 29 ноября (11 декабря) 1838 — 14 (26) марта 1839 / Подгот. текста В. А. Лукиной, коммент. С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной // Тургенев. НИИМ (2). С. 484. Письмо от 7 (19) января 1839 г.

Сергея Николаевича княжной Екатериной Шаховской: «...они (письма. — *Е. Г.*) для нас, а особенно для меня, есть предмет всех разговоров и единственное утешение, не знаю, как изъяснить тебе мою благодарность».⁶

В своей статье «Отец Тургенева в письмах к сыновьям» М. К. Клеман на основании документальных свидетельств делает основополагающий вывод о том, что Сергей Николаевич «обладал незаурядным педагогическим талантом и несомненно благотворно влиял на обоих сыновей».⁷ И в публикуемом автографе обращает на себя внимание то, как тонко Сергей Николаевич от конкретного факта, радующего душу любого родителя, — одобрения наставником изменений к лучшему у сына — переходит к далеко идущим обобщениям. Он старается показать Николаю плоды его усилий, если тот будет продолжать трудиться. Сергей Николаевич искусно выстраивает мотивацию, ведет свою педагогическую «партию», говоря не о своих отцовских надеждах или разочарованиях, а о выгодах для самого Николая: «...Самим Богом прошу тебя продолжай, ты в короткое время увидишь свою пользу, и сколько ты облегчишь свой труд <...>». Здесь же требование, которое не раз возникало в письмах к Николаю и которому Сергей Николаевич, будучи светским человеком, придавал особое значение: «не позволяй себе никогда ничего не обдумавши и без внимания делать», понимая, что необдуманность поступков, импульсивность — причина серьезных промахов и неудач в карьере и свете.

Уже тогда проницательный ум Сергея Николаевича ясно прозревал те недостатки в характере старшего сына, которые впоследствии сыграли столь роковую роль в неудачной военной карьере Николая Сергеевича Тургенева.⁸ Нехватка настойчивости, лень, нетерпение, стремление пооригинальничать... «Если ты решительно не положишь себе за правило употребить твердую волю, стряхнуть с себя несносную твою лень и убедиться в необходимости должной деятельности <...>, то ты никогда не достигнешь желанной цели <...> В полке будешь ты несчастлив, если в тебе оправдается русская пословица — с чем в колыбельку, с тем и в могилку».⁹ Так же строго, с позиций опытного светского человека, осуждает отец резкие высказывания Николая и его оригинальничание: «Странность тогда только извинительна, когда она имеет свою выгодную сторону. Без одного условия всякое отчуждение от принятого общего правила и порядка есть совершенная глупость и неряшество».¹⁰

В письмах к старшему сыну перед нами предстает любящий, внимательный и вместе с тем требовательный отец, который не стремится подавить Николая

---

⁶ Цит. по: *Клеман М. К.* Отец Тургенева в письмах к сыновьям // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 134.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ *Кретова И. В.* Письма Н. С. Тургенева к брату как биографический источник // Спасский вестник. 2000. Вып. 6. С. 42–49.

⁹ Цит. по: *Клеман М. К.* Отец Тургенева в письмах к сыновьям. С. 139–140.

¹⁰ Там же. С. 140.

своим безусловным авторитетом и отцовской властью, а с уважением относится к его личности, всегда демонстрируя веру в собственный правильный выбор сына.

Возможно, среди «пачки писем» С. Н. Тургенева к сыну Николаю из собрания П. Я. Дашкова, о чем писал в свое время М. К. Клеман,¹¹ есть и то, фрагмент которого теперь находится в Государственном историческом музее.

Одним из первых исследователь взял под сомнение утвердившееся в читательской среде мнение, исходящее из авторитетного авторского признания: «В „Первой любви“ я изобразил своего отца». Помимо этого свидетельства одной из мемуаристок, есть и более достоверное, а именно сохранившийся в архиве Национальной библиотеки Франции список действующих лиц будущей повести, где на первом месте фигурирует «мальчик 15 лет» («Я»), а на втором «Мой [отец] — 38 лет».¹² И хотя эти сведения не были известны М. К. Клеману, все еще в силе остается его вывод: «Бедная фактическими данными, принужденная пользоваться часто слишком недостоверными воспоминаниями современников, биографическая литература ограничивается здесь пересказом случайно сохранившихся анекдотов и совершенно некритичным вылавливанием из художественных произведений некоторых, якобы автобиографических, признаний».¹³

И далее исследователь сформулировал положение, актуальность которого и на сегодняшний день невозможно переоценить. «Удачное выделение биографического элемента из рассказов возможно только по накоплению достаточного количества совершенно неопровержимых документальных данных, несоблюдение этого неперемennого условия влечет за собой то, что при каждом опубликовании нового документа все ранее усвоенные представления рушатся, как карточные домики».¹⁴

Другим важным этапом в изучении вопроса стала статья Т. П. Ден «С. Н. Тургенев и его сыновья»,¹⁵ в которой были подробно и аргументированно исследованы взгляды Сергея Николаевича на теорию воспитания известного просветителя XVIII века Н. И. Новикова и декабристов и сделан вывод о том, что он

---

¹¹ «В богатом архиве П. Я. Дашкова, к занятиям в котором я был любезно допущен, хранилась пачка писем отца И. С. Тургенева, Сергея Николаевича, к сыну, Николаю Сергеевичу, старшему брату писателя, от 1830 года, из Эмса и Франкфурта, и 1834 года из Москвы и частью из Петербурга» (Там же. С. 132). Обзор коллекции Дашкова, хранящейся в Пушкинском Доме, и в частности писем С. Н. Тургенева, был сделан В. А. Лукиной в статье «Тургеневские материалы в собрании П. Я. Дашкова в Пушкинском Доме» (Тургеневский ежегодник 2011–2012 года. Орел, 2013. С. 105–118).

¹² *ПССиП(2)*. Соч. Т. 6. С. 479.

¹³ *Клеман М. К.* Отец Тургенева в письмах к сыновьям. С. 132.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Ден Т. П.* С. Н. Тургенев и его сыновья // *РЛ*. 1967. № 2. С. 129–135.

«испытал несомненно воздействие просветительской философии, особенно философских взглядов Н. И. Новикова».¹⁶

Не ставя здесь своей целью подробное рассмотрение биографии Сергея Николаевича Тургенева, остановимся лишь на одном моменте, который столь же ярко, как письма к сыновьям, свидетельствует о его педагогической одаренности.

Трудно сомневаться в том, что отец писателя был человеком незаурядным. Получив домашнее воспитание, зная языки французский и немецкий, историю, географию, математику,¹⁷ он благодаря службе в Кавалергардском полку, общению со многими выдающимися современниками и постоянным самостоятельным занятиям стал высокообразованным человеком. Одновременно с Сергеем Николаевичем служили и некоторые из деятелей декабристского движения: «...в 1813–1814 годах вместе с Сергеем Николаевичем служили С. Г. Волконский, М. Ф. Орлов, М. С. Лунин, П. П. Лопухин; с 1814 года по октябрь 1819 года — П. И. Пестель, А. З. Муравьев, Н. А. Васильчиков, С. Н. Бегичев, А. Л. Кологривов, Л. П. Витгенштейн, В. М. Бакунин, В. П. Ивашев, а также члены гетерии — два брата Ипсиланти (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ на 1814, 1815, 1816, 1818, 1819 годы)».¹⁸ Как отмечал В. Г. Базанов,¹⁹ в казармах Кавалергардского полка часто бывал Ф. Н. Глинка, член Союза благоденствия, Вольного общества по учреждению ланкастерских школ, президент Вольного общества любителей российской словесности. По семейному преданию, он подарил Сергею Николаевичу свою книгу «Письма к другу» (СПб., 1816), которая в настоящее время находится в составе мемориальной библиотеки И. С. Тургенева.²⁰

Отметим один любопытный факт: среди сослуживцев Сергея Николаевича по Кавалергардскому полку — Николай Ильич Толстой, отец Льва Толстого. Он был моложе на год Тургенева-отца и служил в кавалергардах в 1814–1819 годах.²¹

По своему положению офицеры-кавалергарды должны были вести светский образ жизни. Вот что вспоминал Ф. В. Булгарин: «В Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках был особый тон и дух. Этот корпус офицеров составлял, так сказать, постоянную фалангу высшего общества, непрременных танцоров, между тем как офицеры других полков навещали общество только по временам, наездами. В этих трех полках господствовали придворные

¹⁶ Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 132.

¹⁷ Чернов Н. М. Сергей Тургенев, отец, и его судьба // Чернов Н. М. Провинциальный Тургенев. С. 47.

¹⁸ Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 130.

¹⁹ Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 12, 41.

²⁰ Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на русском языке / Сост. и автор вступит. ст. Л. А. Балыкова. С. 72.

²¹ Л. Н. Толстой. Энциклопедия. М., 2009. С. 326.

обычаи и общий язык был французский <...>».²² Но не только балы и жизнь двора волновали однополчан Сергея Николаевича: вопросы философии, истории и политэкономии для многих из них представляли первостепенный интерес и входили в круг предметов для самообразования. В таком полку прошли почти все годы службы Сергея Николаевича, вся его молодость; определились его педагогические интересы.

Ко времени женитьбы на Варваре Петровне Лутовиновой он отнюдь не был желторотым юнцом, легко поддающимся влиянию. «На полях сражений быстро старятся, а я как раз оттуда», — так отпарировал однажды Наполеон упрек в молодости. Сергей Николаевич Тургенев был боевым офицером, прошедшим великую войну, изведавшим дым сражений Европы. Совсем юным в чине эскадрон-юнкера он сражался на Бородинском поле, где «храбро врезался в неприятеля и поражал одного с неустрашимостью», при этом был «ранен картечью в руку и награжден за отличие орденом св. Георгия под № 1761, а за участие кампании 1812 года — серебряной медалью на голубой ленте».²³ Это отмечено в его послужном списке и говорит о многом, поскольку то было время храбров и храбростью удивить было трудно.

Самовластная хозяйка Спасского сама испытала сильное влияние своего избранника — человека, по уровню развития и образования стоявшего гораздо выше ее. Это, к примеру, отмечает Л. А. Балыкова в статье «Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева: Истоки, читатели, портрет поколений»: «Ее муж, светский и образованный С. Н. Тургенев <...> имел на жену большое влияние и также способствовал тому, чтобы в семье складывалась атмосфера уважения к книге».²⁴ Как можно судить по тому, что мы знаем о жизни Варвары Петровны до замужества из мемуарных источников и документов, она, по сути, не получила вообще никакого образования и нравственного воспитания. Признавая незаурядные качества характера Лутовиновой, Б. В. Богданов писал: «...в этих условиях не было и речи о хотя бы каком-нибудь воспитании и образовании. В те годы, когда религиозное воспитание считалось главным для девушки, Варвара Петровна не знала даже молитвы и не умела молиться».²⁵ Годы детства, юности и молодости (а значит, годы формирования личности) этой одаренной от природы натуры прошли в среде грубого провинциального дворянства, где она переняла отнюдь не лучшие свои привычки и жизненные правила. Семья отчима С. А. Сомова, не отличавшегося высокими моральными устоями, затем

---

²² Булгарин Ф. В. Воспоминания. СПб., 2012. С. 162.

²³ См.: Дело о дворянстве рода Тургеневых // РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. № 3422. Л. 71–72. Цит. по: Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 130.

²⁴ Балыкова Л. А. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева: Истоки, читатели, портрет поколений // Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. С. 15.

²⁵ Богданов Б. В. В. П. Лутовинова — мать писателя // Спасский вестник. 1993. Вып. 2. С. 11.

общество дяди-самодура Ивана Ивановича Лутовинова и двусмысленное положение при нем: то ли наследницы, то ли компаньонки, то ли родственницы-сироты при живой матери...

Варвара Петровна никогда не говорила в письмах к сыновьям о своей жизни до замужества, от которой, как вспоминала ее воспитанница В. Н. Житова, у нее остались только мучительные воспоминания. Все рассказы Варвары Петровны начинались со времени заграничного путешествия семьи в 1822–1823 годах. В Спасском была редкая по составу библиотека, собранная братьями Лутовиновыми, и в первую очередь И. И. Лутовиновым, для своего времени человеком неплохо образованным. Однако мы не располагаем никакими свидетельствами — ни ее собственными, ни современников, документальными или мемуарными, — о том, что именно из книг читала и любила Варвара Петровна в молодые годы до встречи с Тургеневым. Под влиянием мужа и под его руководством раскрылись природные способности Варвары Петровны, сложились ее литературные вкусы, появилась необыкновенная эрудированность, проявившаяся в письмах к Ивану, переполненных цитатами и литературными аллюзиями, в тетрадях с выписками о прочитанном. Большое заграничное путешествие всей семьи в Европу, возможно, было связано не только с необходимостью консультаций с европейскими врачами по поводу болезни Сергея Николаевича, но и с желанием мужа удалить Варвару Петровну от пагубного влияния провинциального окружения.

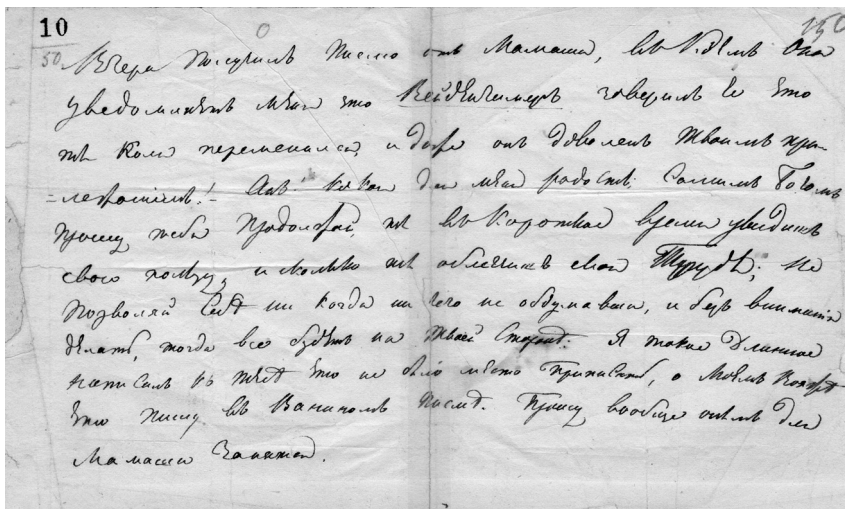
Образ мыслей и интересы Сергея Николаевича находят неизменное отражение в ее письмах к Ивану конца 1830-х — начала 1840-х годов. Она то хочет в Москве «театру хотя дурного посмотреть, но Волтера на сцене видеть, он мне напоминает отца»,²⁶ то рассматривает пометки, сделанные Сергеем Николаевичем в путеводителе Рейхарта, с которым молодая пара путешествовала по Европе в 1820-е годы, то вспоминает его любимые выражения.

Из всего изложенного можно заключить, что прирожденный воспитатель, обладавший талантом педагога и располагавший сведениями о самых лучших педагогических теориях своего времени, Сергей Николаевич Тургенев сумел пробудить и закрепить у своей жены, оказавшейся способной и восприимчивой ученицей, интерес к литературе, языкам, архитектуре, музыке, сформировать в ней глубокую потребность открывать для себя все новые знания.

Таким образом, умственное и нравственное влияние Сергея Николаевича распространилось на все сферы семейной жизни и не только выразилось в неизменном, горячо заинтересованном участии в жизни и воспитании сыновей, но и сыграло решающую роль в образовании и развитии самой Варвары Петровны.

---

²⁶ Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Ч. 2. С. 441. Письмо от 2 декабря 1838 г. Как отмечала Л. А. Балыкова, вскоре после женитьбы С. Н. Тургенев приобрел парижское издание сочинений Вольтера на французском языке (1819–1822). См.: Балыкова Л. А. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева... С. 446.

Письмо С. Н. Тургенева к сыну Николаю. 1829–1830 гг. (?)

С. Н. Тургенев — Н. С. Тургеневу

1829–1830 гг. (?)

Вчера получил письмо от Мамаши, в коем она уведомляет меня, что Вейденгамер говорил ей, что ты, Коля, переменялся, и даже он доволен твоим прилежанием! — Ах! Какая для меня радость; Самим Богом прошу тебя продолжай, ты в короткое время увидишь свою пользу, и сколько ты облегчишь свой труд; не позволяй себе никогда ничего не обдумавши и без внимания делать, тогда все будет на твоей стороне. Я такое длинное¹ написал к тебе, что не было место приписать о моем вояже, что пишу в Ванинном письме. Прошу вообще очень, для Мамаши зачитай.

Печатается по подлиннику: ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 19. Л. 150, с сохранением некоторых особенностей орфографии и пунктуации.

¹ Вероятно, слово «письмо» пропущено.